

К вопросу о становлении и функционировании словотворчества в речи дошкольников

Одной из главных особенностей развития речи дошкольника двух-пяти лет является *детское словотворчество*. К словотворчеству как конструированию ребенком нового слова относят два вида явлений. Во-первых, это создание новообразований в словоизменении (типа *вставаю, сломатый, принцессом*). Во-вторых, это словотворчество в словообразовании: создание слов типа *отсонилась* (проснулась), *красавлюсь* (любуюсь собой перед зеркалом), *раскаталка* (скалка).

Изучением феномена детского словотворчества занимались и занимаются многие исследователи детской речи.

К.И. Чуковский еще в начале XX в. писал о том, что ребенок, в отличие от взрослого, не пользуется готовыми словами – уже «скроенными и сшитыми», а создает их «каждую минуту заново, каждую минуту сначала...» [1]. Исследователь охарактеризовал этот процесс как «*все вдохновение и творчество*»!

Гораздо прозаичнее высказался о явлении детского словотворчества А.Н. Гвоздев, который утверждал, что детские неологизмы – это «образования по аналогии», которые «с полной очевидностью демонстрируют самостоятельность ребенка в создании слов и их форм» [2, 460].

Той же точки зрения придерживается М.М. Кольцова: ни одно «новое» (кавычки автора) детское слово нельзя считать абсолютно оригинальным – в словаре ребенка обязательно есть образец, по которому это слово и построено. В основе словотворчества лежат не особые творческие силы ребенка, а, напротив, ярко выраженная стереотипия работы его мозга [3].

Анализ детской речи, проведенный Ф.А. Сохиным, привел ученого к выводу, что уже на третьем году жизни в результате активного поиска, повышенного

внимания к значению и звучанию слова дошкольник замечает значения, носителями которых в составе слова являются морфемы. В результате ребенок приходит к обобщению языковых фактов, неосознанному формированию правил образования слов или словоформ [4, 27 - 54].

Идея генерализации развивалась и в работах А.М. Шахнаровича. Но этот автор считал, что сходство детских неологизмов с образованиями по аналогии чисто внешнее. В речи детей на основе генерализации языковых моделей формируются так называемые «модели-типы». Следствием как бы «подражания себе» и являются речевые новообразования в речи детей [5, 19 - 30].

Иначе подходит к объяснению детского словотворчества Т.Н. Ушакова. По ее заключению, при нормальном развитии ребенка в его когнитивной сфере независимо от сознания и воли тотально действуют процессы спонтанной обработки воспринятого от окружающих словесного материала. Подобные операции и процессы являются своего рода психофизиологической универсалией, лежащей в основе усвоения и пользования языком [6, 156-157].

Как бы там ни было, словотворчество, по всеобщему признанию, - закономерный путь овладения ребенком морфологическими средствами языка, одно из проявлений развивающейся комбинаторной способности ребенка. "...Тот, кто в раннем детстве на пути к освоению родного языка не создавал таких слов, как "ползук", "вытонуть", "тормозило" и т.д., - утверждал К.И. Чуковский, - никогда не станет полным хозяином своего языка" [7, 14].

Важной характеристикой детского словотворчества является ориентация ребенка на языковую систему. Период активного использования всех возможностей системы при полном или почти полном игнорировании нормы считается наиболее продуктивным и творческим в развитии речи ребенка. Главным приобретением этого периода является развитие у ребенка тонкого языкового чутья.

Что же побуждает ребенка заниматься словотворчеством? Каковы мотивы этой деятельности? Ведь, как замечает В.Т. Кудрявцев, дошкольник не ставит перед собой задачи “стать хозяином” родного языка!

С.Н. Цейтлин одну из причин бурного словосочинительства детей связывает с объективно существующим различием между наличным лексическим запасом языка и ограниченным объемом лексикона ребенка. Необходимость заполнения “индивидуальных лакун” вызывает активизацию словотворчества [8].

По мнению А.Г. Арушановой, необходимость в анализе и синтезе производных слов вызывается коммуникативными потребностями ребенка. В младшем дошкольном возрасте - необходимостью назвать своим словом принципиально новый объект; в среднем и старшем дошкольном возрасте на первый план выступает ориентировочная и экспрессивная (эстетическая) функция. Ребенок начинает, по выражению автора, обыгрывать слова, создавая по несколько вариантов [9, 249].

К пяти-шести годам словотворчество в речи детей начинает угасать. К.И.Чуковский связывал это со снижением природного чутья к языку. А.Н. Гвоздев отмечал стремление ребенка говорить так, как говорят взрослые. Т.Н. Ушакова связывает угасание детского словотворчества с тем, что ребенок уже довольно прочно усваивает грамматические формы и свободно их использует.

При обсуждении детского словотворчества наиболее часто встречаются такие определения, как *экспериментирование со словом и языковая игра*. Так, Д.Б. Эльконин писал, что ребенок неумышленно экспериментирует со словом, как с материальным объектом. Цитируя это высказывание, А.Г. Арушанова добавляет: «Это языковая игра». И далее: «Малыши в своих экспериментах со словом как бы испытывают материал на прочность» [9, 243].

Действительно ли ребенок, создавая новое слово, в любом случае экспериментирует и играет со словами? Можно ли поставить знак равенства

между этими понятиями? С какого момента можно говорить о детском словотворчестве как эксперименте и языковой игре.

А.Г. Арушанова в детском словотворчестве выделяет ряд явлений: 1) исполнительские действия на основе ограниченных и ущербных грамматических обобщений (оговорки, ошибки и пр.); 2) ориентировочные «пробующие» действия, языковые игры; 3) собственно словотворчество – произвольное конструирование ненормативного языкового знака как средства экспрессии (эстетическая функция) либо названия принципиально нового объекта (номинативная функция) [9, 249]. Как видим, здесь прослеживается следующая функциональная цепочка словотворчества: номинация – словесная игра, к которой автор приравнивает и экспериментирование. Обратим внимание также на указание автора на то, что первоначально появляющиеся в речи единичные инновации ребенок не замечает. И лишь когда словотворчество становится регулярным, ребенок явственно начинает играть со словами [там же]. Ту же мысль высказывает С.Н. Цейтлин: во многих случаях ребенок конструирует новые слова, не осознавая самого процесса, не ведая о том, что такое слово отсутствует в языке взрослых. И лишь позже, по мере взросления ребенка, его языковое сознание меняется, развивается языковая рефлексия, единицы, освоенные на бессознательном уровне, передвигаются в светлое поле сознания. Ребенок все больше осознает и контролирует смысловую связь между словами [8, 293 - 395].

Таким образом, если первоначально механизм словотворчества используется ребенком произвольно и неосознанно, то мере расширения когнитивно-языкового опыта происходит постепенное осознание и намеренное использование словотворчества в различных ситуациях общения. Очевидно, что говорить об эксперименте или языковой игре можно только с момента развития у ребенка языковой рефлексии. Но все-таки, экспериментировать или играть, какова последовательность этих действий, если между ними есть разница?

В лингвистике языковая игра объединяет все «явления, когда говорящий играет с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное» [10, 172]. Результатом особого внимания говорящего к форме речи являются *осознанные, намеренно допускаемые* отступления от нормы. По отношению к языковой игре как осознанному отступлению говорящего от языковой нормы употребляется термин «лингвистический эксперимент». Цель его, по В.З.Санникову, – натолкнуть исследователя на размышления о значении и функционировании языковых единиц разных уровней [11, 13]. Значит, языковая игра как вид лингвистического эксперимента не имеет целью вызвать у слушающего эстетическое чувство. Это различие, на наш взгляд, важно для рассмотрения вопроса о функции словотворчества в детской речи.

В детской психологии и дошкольной педагогике утвердилось положение о том, что в качестве основного вида ориентировочно-исследовательской (поисковой) деятельности детей дошкольного возраста выступает экспериментирование. Поисковая деятельность, по утверждению Н.Н. Поддъякова, принципиально отличается от любой другой тем, что образ цели, определяющий эту деятельность, сам еще не сформирован и характеризуется неопределенностью, неустойчивостью. Он уточняется, проясняется в ходе поиска. Это накладывает особый отпечаток на все действия, входящие в поисковую деятельность: они подвижны и носят пробующий характер [12].

По мнению А.Г. Арушановой, языковые игры при естественном овладении ребенком языком выполняют ориентировочно-исследовательскую функцию. Но если образ цели словотворчества ребенком не сформирован, можно ли назвать эту деятельность языковой игрой, требующей намеренности, осознанности? На наш взгляд, в данном случае можно говорить о произвольном лингвистическом эксперименте, носящем поисковый характер («как же правильно сказать?»). Вспомним хрестоматийный пример самокоррекции высказывания ребенка,

приведенный А.М. Шахнаровичем: «В реке было много рыб ... рыбой... много рыбы». Ребенок уже принимает во внимание норму, ищет ее - перебирает возможные варианты словоформы, останавливаясь на правильной. Но он еще не играет со словами, не ставит перед собой цель отклониться от языковой нормы, чтобы вызвать эстетическое чувство.

Языковая игра, на наш взгляд, возникает именно тогда, когда ребенок уже в определенной мере освоил «норму» и использует словотворчество с целью утвердиться в ней. (В.З. Санников замечает, что языковая игра «ясней всего поучает норме» [11, 13].) Кроме того, словотворчество как языковую игру ребенок нередко использует с целью привлечения к себе внимания взрослого, желая вступить с ним в контакт. И, наконец, у старших дошкольников языковая игра начинает использоваться с целью достижения комического эффекта. В этом, думаем, заключается личностный смысл словотворчества для самого ребенка.

В последние годы расширение научных представлений о словотворчестве связано с изучением его не только как процесса построения неологизмов, но и как универсального психологического механизма вхождения ребенка в мир человеческой культуры (В.Т. Кудрявцев, А.Г. Арушанова и др.).

В.Т. Кудрявцев детское словотворчество относит к инверсионным действиям – классу поисковых, пробующих, ориентировочно-исследовательских действий, предметом которых выступают проблемные (для ребенка) «секторы» субъектного пространства значимого взрослого. В этом смысле словотворчество выходит далеко за рамки чистой «словесности». В словотворческих экспериментах ребенок «выделяет» свою уникальную речь из речевого потока взрослых и одновременно побуждает взрослых к общению. Поэтому словотворчество равным образом является и средством обособления ребенка, и спонтанным выражением имманентной ему интенции к интеграции в общность со взрослым. Ребенок таким образом сам инициирует межпоколенную связь не в меньшей степени, чем это делает взрослый, когда обращается к ребенку. Отсюда – объективное, а не только

субъективное значение детского словотворчества, за которым стоит некоторая глобальная закономерность развития культуры, обеспечивающая как преемственность, так и поступательность в этом развитии [14].

Итак, детское словотворчество является когнитивно-языковым механизмом, функционирующим в речи. Пользуясь терминологией В.Т. Кудрявцева, отметим: языковой эксперимент, в процессе которого ребенок перебирает возможные варианты словоформы и находит правильную, является процессом культууроосвоения, а языковая игра ребенка – это реализация им своей культуротворческой функции. При этом несомненно, что культууроосвоение и культуротворчество – взаимопроникающие процессы. Результатом инкультурации является освоение, формирование и развитие когнитивного и вербального опыта ребенка, основных черт и содержания языковой культуры своего общества, культурных образцов и стереотипов в поведении и мышлении.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Чуковский К.И. Матерям о детских журналах. – СПб, 1911. - С. 21.
2. Гвоздев, А.Н. Вопросы изучения детской речи - М., 2007. - С. 459 - 467.
3. Кольцова М.М. Ребенок учится говорить. – Екатеринбург, 2005.- С. 103 – 105.
4. Сохин Ф.А. Психолого-педагогические основы развития речи дошкольников. – М. – Воронеж, 2002. - 224 с.
5. Шахнарович М.А., Юрьева Н.М. Психолингвистический анализ семантики и грамматики (на материале онтогенеза) – М., 1990. – 168 с.
6. Ушакова Т.Н. Речь: Истоки и принципы развития – М., 2004. – 256 с.
7. Чуковский К.И. От двух до пяти. – Минск, 1983.
8. Цейтлин С.Н. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. – М.: ВЛАДОС, 2000. – 240 с.
9. Арушанова А.Г. Речь и речевое развитие детей 5-8 лет. - М., 1999. – С. 242 – 252.

10. Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М., 1983. – С. 172 – 213.

11. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры – М., 1999. – 544 с.

12. Поддъяков Н.Н. Исследовательское поведение: стратегии познания, помощь, противодействие, конфликт. М., 2000. – 266 с.

13. Кудрявцев В.Т. О смысле детского словотворчества // Материалы конференции, посвященной 30-летию лаборатории развития речи Института дошкольного образования и семейного воспитания РАО “Развитие детской речи: традиции и перспективы” / Под ред. О.С. Ушаковой. — М.: Изд. РАО, 2002. — С. 15–17.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ